

Изъ воспоминаній Евгенія Ивановича Ламанскаго.

(1840—1890 гг.).

I.

Лицей 40-хъ годовъ.—Протоіерей Кочетовъ.—Профессоръ Ивановскій. — Занятія политической экономіею и финансами.—Страсть лицействовъ къ серьезному чтенію и увлеченіе сенъ-симонизмомъ.—Зачисленіе на службу въ Государственную канцелярію.—Переходъ въ первое отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.—Исторія возникновенія инспекторскаго департамента.

Въ началѣ 1840 года, изъ V класса С.-Петербургской 2-ой гимназіи я поступилъ въ Императорскій Лицей, который помѣщался тогда въ Царскомъ Селѣ, а четыре года спустя былъ переведенъ въ самую столицу, въ отведенную ему на Петербургской сторонѣ просторную усадьбу. Завершилось мое образованіе въ Лицеѣ къ исходу 1845 года. Нашъ выпускъ, или, по-лицейски, курсъ являлся XIV-мъ съ основанія этого учебнаго заведенія. Такимъ образомъ, я на шесть лѣтъ моложе М. Х. Рейтерна (X курса), окончившаго Лицей въ годъ моего туда вступленія и освободившаго предназначенную мнѣ казенную вакансію.

Въ лицейскую семью я вошелъ четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, но мое развитіе опередило возрастъ, сверстники мои оказались далеко позади меня въ этомъ отношеніи, ихъ интересы были большею частью мнѣ чужды, и потому первые годы я проводилъ свободное время преимущественно съ воспитанниками старшихъ курсовъ. При неутолимой жаждѣ къ знанію вообще, во мнѣ довольно рано пробудилось увлеченіе философіею и религіозными вопросами, къ которымъ я подходилъ, главнымъ образомъ, съ критической стороны. Въ занятіяхъ

этими предметами меня особенно вдохновлялъ нашъ священникъ протоіерей Кочетовъ, образованнѣйшій человекъ того времени, сотрудникъ знаменитаго московскаго митрополита Филарета, въ бытность послѣдняго ректоромъ Петербургской духовной академіи. Несмотря на подчасъ проявлявшійся во мнѣ духъ отрицанія, о. Кочетовъ очень меня любилъ, постоянно восторгался моими знаніями, а на выпускномъ экзаменѣ даже особо отрекомендовалъ меня посѣтившему тогда лицей митрополиту Антонію.

Отъ религіи и философіи я перешелъ къ политической экономіи и сдѣлался ревностнымъ поклонникомъ этой науки, курсъ которой намъ читалъ И. А. Ивановскій. Талантливый и увлекательный—профессоръ Ивановскій принадлежалъ къ плеядѣ молодыхъ ученыхъ, впервые посланныхъ въ 30-хъ годахъ министромъ народнаго просвѣщенія Уваровымъ за границу для усовершенствованія въ избранной каждымъ изъ нихъ отрасли знанія. Ознакомившись въ чужихъ краяхъ съ новыми открытіями европейской научной мысли и обогативъ себя обширнымъ запасомъ необходимыхъ свѣдѣній, подготовленные такимъ путемъ профессора внесли свѣжую струю въ господствовавшіе у насъ тогда приемы преподаванія, возбудили и утвердили въ своихъ слушателяхъ пламенную любовь къ чистой наукѣ. Въ частности, для насъ, лицейстовъ, лекціи незабвеннаго Ивановскаго были даже не ученіемъ, а просто наслажденіемъ. Подъ вліяніемъ этихъ лекцій я еще на школьной скамьѣ пристрастился къ изученію и разработкѣ различныхъ вопросовъ изъ области политической экономіи и финансовъ. Совершенно случайно мои труды въ указанномъ направленіи получили благодатную для своего развитія почву. Около описываемаго времени скончался отецъ одного изъ моихъ товарищей, служившій во второмъ отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и трудившійся надъ систематизаціею законовъ. Послѣ его смерти осталась довольно обширная бібліотека, заключавшая въ себѣ, между прочимъ, полное собраніе законовъ. Такъ какъ для малой квартиры, въ которую переселилась осиротѣвшая семья, бібліотека эта представляла значительную тягость, то я предложилъ своему товарищу временно, впредь до продажи книгъ, поставить ихъ у себя или вѣрить въ казенной квартирѣ моего отца, управлявшаго тогда кредитною канцеляріею министерства финансовъ. Получивъ въ свое распоряженіе полное собраніе законовъ, я принялся изучать исторически различныя экономическія явленія въ нашемъ оте-

чествѣ со временъ царя Алексѣя Михайловича. Съ этою цѣлью мною были сдѣланы подробныя выписки изъ всѣхъ обнародованныхъ въ полномъ собраніи правительственныхъ актовъ, касающихся финансоваго управленія, денежной системы и банковаго дѣла. Надъ такого рода работою я просидѣлъ нѣсколько лѣтъ, при чемъ рвеніе мое было настолько сильно, что я могъ въ теченіе каникулъ почти безъ отдыха трудиться надъ поставленною себѣ задачею, не выходя ни разу даже въ садъ.

Среди лицействовъ того времени была сильно развита страсть къ чтенію, но удовлетворять ее въ ту пору, когда большая часть интересовавшихъ молодыхъ людей книгъ была запрещена, приходилось обходными путями. Обыкновенно, у каждаго изъ насъ былъ свой букинистъ, который отлично зналъ всѣ запрещенныя книги, особенно серьезныя, и время отъ времени навѣдывался къ своимъ покупателямъ, снабжая ихъ запрещенною литературою по интересовавшимъ вопросамъ. Наиболе известенъ былъ своею дѣятельностью въ этой области одинъ изъ братьевъ Исаковыхъ, выдававшійся среди прочихъ купцовъ своимъ развитіемъ и державшійся нашей молодежи. Доставляемыми намъ, такимъ образомъ, книгами мы зачитывались по ночамъ. Особенно увлекалась тогдашняя молодежь политической экономіею и развивавшимися на западѣ социальными ученіями сенсимонистовъ, съ жадностью поглощая произведенія братьевъ Перейръ, Мишеля Шевалье и др. Но моя логическая голова удерживала меня отъ чрезмѣрнаго восхищенія возвышенными, но оторванными отъ жизненной дѣйствительности теоріями. Въ своихъ взглядахъ я оставался на почвѣ строгой политической экономіи, основанной на признаніи свободной борьбы разныхъ потребностей и элементовъ, а не на насиліи, будь то насиліе единоличное или толпы.

Окончившимъ курсъ лицея предоставлено было въ то время зачисляться на государственную службу въ любое изъ правительственныхъ установленій по собственному желанію. Стремясь имѣть возможно большій досугъ для своихъ научныхъ занятій, я, по выходѣ изъ лицея, поступилъ въ Государственную канцелярію подъ начальство Андрея Аванасьевича Никитина, статсъ-секретаря департамента Государственной экономіи. Расчетъ мой оказался правильнымъ: какой-либо серьезной работы по канцеляріи мнѣ исполнять не приходилось, большую часть времени я проводилъ дома, погруженный въ свои изслѣдованія. Пребываніе мое въ Государственной канцеляріи продолжилось, однако, недолго: въ іюль 1846 года я былъ переве-

день въ первое отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Переходу моему предшествовали слѣдующія небезынтересныя для исторіи нашей гражданской службы обстоятельства.

Въ началѣ 40-хъ годовъ покойный Императоръ Николай Павловичъ приказалъ статсъ-секретарю А. С. Танѣеву, управлявшему первымъ отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, сообщить министрамъ, чтобы они доставляли въ Высочайшія руки Государя формулярные списки всѣхъ служащихъ въ Россіи по гражданскому вѣдомству. Во исполненіе этой Высочайшей воли стали стекаться изъ всѣхъ правительственныхъ мѣстъ, начиная съ министерствъ и кончая земскими судами въ губерніяхъ, списки чиновниковъ. Многіе изъ такихъ списковъ были просмотрѣны самимъ Государемъ, который особенное вниманіе обращалъ на случаи подсудности и нерѣдко собственноручно отмѣчалъ противъ фамиліи находящагося подъ судомъ чиновника: „спросить“, а иногда прямо назначалъ провинившимся соответствующее наказаніе. Такъ, на примѣръ, какого-то канцелярскаго чиновника, находящагося подъ судомъ за то, что стрѣлялъ голубей на Смоленскомъ полѣ, Государь приказалъ уволить отъ службы. Точно также Государь нерѣдко интересовался, какими способами составляли себѣ состояніе нѣкоторые чиновники. Увидѣвъ изъ списковъ статсъ-секретаря Позена и сенатора Лубяновскаго, что за первымъ числится 3.000 душъ, а за вторымъ 2.500 душъ— въ Пензенской губерніи, Государь приказалъ спросить, какимъ путемъ они пріобрѣли свои имѣнія. Лубяновскій отвѣтилъ, что скопилъ необходимую на это сумму переводомъ Фенелонова Телемака. Противъ представленныхъ Позеномъ объясненій Государь написалъ: „Какой умный и способный человекъ“. Однако, количество накопившагося такимъ образомъ матеріала достигло постепенно столь внушительныхъ размѣровъ, что непосредственное ознакомленіе съ формулярными списками, безъ предварительной ихъ разработки, встрѣчало серьезныя затрудненія. Поэтому, просматривая списки Государственной канцеляріи, Государь повелѣлъ перевести изъ состава послѣдней нѣсколько чиновъ въ первое отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи для разсмотрѣнія всѣхъ вообще формулярныхъ списковъ. Въ числѣ командированныхъ шести чиновниковъ Государственной канцеляріи оказался и я. Наша работа у Танѣева заключалась въ подробной обработкѣ послужныхъ списковъ и, между прочимъ, въ составленіи свода всѣхъ подсудныхъ чи-

новъ. Этимъ положено было начало вскорѣ затѣмъ образованному при первомъ отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи Императорскому департаменту, которому были переданы всѣ дѣла, подлежащія ранѣе вѣдѣнію Герольдіи, какъ-то: производство въ чины, назначенія на должности, наблюденіе за сроками изданія всѣхъ списковъ и пр. Самые списки стали печататься въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ, гдѣ помѣщались и начавшіе выходить, подобно принятому въ военномъ вѣдомствѣ порядку, Высочайшіе приказы по гражданскому вѣдомству. Въ концѣ 1846 года я окончательно водворился въ Инспекторскомъ Департаментѣ и пробылъ тамъ нѣскольکو лѣтъ, пользуясь такою же свободою для своихъ научныхъ занятій, какъ и въ Государственной канцеляріи.

II.

Общественное движеніе конца 40-хъ годовъ.—Кружки Петрашевскаго, Дурова и др.—Арестъ участниковъ кружковъ въ апрѣлѣ 1849 года.—Обыскъ въ квартирѣ Ламанскихъ и арестъ Порфирія Ивановича Ламанскаго.—Составъ верховной слѣдственной комиссіи.—Освобожденіе Порфирія Ивановича и привлеченіе къ слѣдствію Е. И. Ламанскаго.—Допросъ въ слѣдственной комиссіи и прекращеніе дѣла.

Во время моей службы подѣ начальствомъ А. С. Танѣева, я былъ привлеченъ къ слѣдствію по такъ называемому дѣлу Петрашевскаго.

Въ 1847 году въ Петербургѣ началось социальное движеніе. Въ это время здѣсь образовались кружки молодежи, гдѣ собирались и толковали о разныхъ предметахъ: о музыкѣ, поэзіи и о политическомъ состояніи европейскихъ государствъ: въ такихъ собраніяхъ обмѣнивались также мыслями о болѣе свободномъ развитіи въ Россіи, объ освобожденіи крестьянъ, о свободѣ торговли, о новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ. Между этими кружками былъ извѣстенъ кружокъ Петрашевскаго, у котораго собирались разные учителя, военная и статская молодежь. Другой кружокъ былъ у пріятели Петрашевскаго Дурова, который жилъ вмѣстѣ съ А. И. Пальмомъ и Щелкановымъ; это была партія литературная. У Петрашевскаго собранія происходили по пятницамъ, а у Дурова, кажется, по средамъ. Съ теченіемъ времени собранія у Петрашевскаго приняли болѣе политическую окраску и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе систематическій характеръ: онъ приглашалъ учителей гимназій и у него была цѣль проводить свободныя мысли между юношествомъ. Я лично

былъ ближе къ кружку Щелканова и Дурова, потому что меня привлекала больше изящная сторона движенія — литературная и музыкальная; къ Петрашевскому ходилъ мой покойный братъ Порфирій, я же былъ тамъ всего разъ или два, такъ какъ мнѣ не нравилась практическая сторона дѣятельности этого кружка.

Кромѣ названныхъ двухъ кружковъ, подъ вліяніемъ кружка Петрашевскаго, образовались и въ другихъ частяхъ города собранія иного характера и свойства. Слухи о томъ, что за кружками наблюдаютъ и что въ числѣ посѣтителей есть агенты III отдѣленія, уже блуждали среди молодежи. Въ 1849 году на одномъ изъ баловъ-маскарадовъ какая-то таинственная маска подошла къ Пальму или къ кому другому и сказала: „Берегитесь, васъ сегодня же ночью будутъ арестовывать“. И дѣйствительно, на слѣдующій день ночью послѣдовали аресты Петрашевскаго, Спѣшнева, Толя и многихъ другихъ.

Въ это время я занималъ вмѣстѣ съ моимъ братомъ Порфиріемъ комнату въ квартирѣ отца въ зданіи Главнаго Штаба. Вернувшись 23-го апрѣля въ шесть часовъ утра домой, черезъ черный ходъ, я сѣлъ заниматься и заварилъ себѣ кофе въ наполеоновскомъ кофейникѣ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ моего прихода, я услышалъ стукъ въ дверь и, отворивъ ее, увидалъ блѣднаго и растеряннаго денщика Пальма. Пальмъ, Дуровъ и Щелкановъ жили въ одной квартирѣ, гдѣ и происходили наши собранія. Денщикъ дрожащимъ голосомъ сказалъ мнѣ:

„Нашихъ господъ взяли и они послали сказать вамъ, чтобъ вы припрятали, если у васъ есть какія-нибудь вещи“.

Я немедленно разбудилъ брата и сообщилъ ему все переданное денщикомъ и, между прочимъ, о томъ, что къ брату должны придти поутру въ тотъ же день. Наскоро оправившись и переговоривши, мы стали обдумывать, что намъ прятать и скрывать. Особенно подозрительнаго у насъ не было ничего, но были болѣе или менѣе запрещенныя книги того времени. Принявъ необходимыя мѣры предосторожности, мы съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія полиціи. Часовъ въ 12 братъ ушелъ на службу въ департаментъ внѣшней торговли, а я, какъ человѣкъ свободный, остался дома. Дѣйствительно въ 2 часа за братомъ отправились въ департаментъ и привели домой для осмотра комнаты, въ которой онъ жилъ вмѣстѣ со мною. Какъ любопытное обстоятельство, я припоминаю, что братъ мой былъ тогда боленъ и принималъ какія-то капли, прописанныя докторомъ. Въ то время, какъ агенты тайной и явной полиціи съ

депутатами отъ департамента, въ которомъ служилъ братъ, снимали съ полокъ всѣ книги нашей библіотечки, вынимали бумаги, находившіяся въ шкапахъ и столахъ, и сваливали все въ одинъ узелъ, братъ мой захотѣлъ принять свои капли, но жандармъ съ осторожностью остановилъ его, говоря: „Нѣтъ, извините, я этого не могу вамъ позволить“.

Не буду описывать отчаяніе матери и сдерживаемаго хладнокровія отца. Оказалось, что требовалось взять только одного брата Порфирія; меня же оставили свободнымъ. Какъ за тѣмъ обнаружилось, забирались сначала по списку агентовъ, сообщавшихъ о засѣданіяхъ у Петрашевскаго, а о собраніяхъ у Дурова еще ничего не знали. Въ числѣ посѣщавшихъ Петрашевскаго я не былъ намѣченъ, такъ какъ бывалъ у него очень рѣдко.

По заарестованіи моего брата ни я, ни родители мои не знали, что съ нимъ сдѣлалось и куда его дѣвали. Въ такомъ безпокойствѣ прошло нѣсколько дней, и только чрезъ недѣлю самыхъ назойливыхъ и безпрестанныхъ хлопотъ удалось узнать, что онъ содержится въ крѣпости впрямь до разсмотрѣнія дѣла и что разрѣшается прислать ему бѣлье и другія необходимыя вещи, но ни свиданій, ни сообщеній съ нимъ не было дозволено никому ни подъ какимъ предлогомъ.

Что касается меня, то я былъ въ первое время вполне покоенъ, и чрезъ нѣсколько недѣль у меня снова появились и прежнія и новыя запрещенныя книги и точно также приходили ко мнѣ тогда существовавшіе букинисты, специально торговавшіе книгами, на которыя имъ указывала русская цензура своими запрещеніями.

Мало-по-малу, слухи о томъ, въ чемъ подозрѣвались захваченные молодые люди и какое развитіе принимало слѣдствіе, проникли въ общество. Эпизоды заарестованія тѣхъ или другихъ изъ участвовавшихъ въ собраніяхъ лицъ сдѣлались общей басней въ городѣ. Затѣмъ понемногу стали рассказываться открытія, къ которымъ привело слѣдствіе, новые дополнительные аресты и болѣе или менѣе бѣглыя сообщенія изъ разныхъ кружковъ. Кромѣ того, родственники и близкіе друзья заарестованныхъ время отъ времени получали свѣдѣнія о ходѣ уголовного слѣдствія.

Послѣ доноса и первыхъ докладовъ Липранди все дѣло было поручено особой верховной слѣдственной комиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ князя Гагарина, изъ коменданта крѣпости генерала Набокова и Я. И. Ростовцева.

Неожиданно для меня и для всего нашего семейства въ іюлѣ мѣсяцѣ явился къ намъ освобожденный изъ крѣпостного заключенія братъ мой Порфирій. Изъ разсказовъ его о печальномъ содержаніи въ крѣпости, о тѣхъ допросахъ, которые имъ дѣлали, и объ очныхъ ставкахъ съ другими посѣтителями кружковъ я узналъ, что раскрыты были всѣ развѣтвленія и что я неминуемо буду заарестованъ. Братъ мой объяснилъ мнѣ, что ни на немъ, ни на мнѣ не лежить особенныхъ обвиненій, но что тѣмъ не менѣе взять я буду для дополненія и окончанія слѣдствія. Въ ожиданіи этого момента я, разумѣется, снова прибралъ всѣ книги и бумаги и, живя тогда на Черной рѣчкѣ на дачѣ Бегрова, ожидалъ въ спокойномъ *fat niente* появленія чиновъ тайной полиціи.

Въ одинъ прекрасный день, въ пять часовъ утра, пріѣхалъ къ намъ на дачу жандармскій полковникъ и вмѣстѣ съ нимъ вошло нѣсколько понятыхъ. Оказалось, что всѣ калитки и заборъ дачи, гдѣ мы жили, были тщательно оберегаемы нижними чинами полиціи. Я зналъ, что меня берутъ только для нѣкоторыхъ допросовъ и что въ скоромъ времени я буду освобожденъ, и потому не испытывалъ никакого волненія. Въ комнатѣ моей не нашли ничего кромѣ одного листа бумаги. Нельзя не упомянуть, что когда явились чины полиціи и мой отецъ спросилъ, по какому праву тревожатъ его покой, они предъявили ему бумагу, что имѣютъ приказъ пригласить сына его Валеріана къ начальнику III отдѣленія. Отецъ объяснилъ имъ, что у него въ семействѣ вовсе нѣтъ сына Валерьяна, а есть Евгенийъ и что вѣроятно это его приглашаютъ или можетъ быть брата Порфирія, который былъ незадолго предъ этимъ освобожденъ. Цѣль отца моего состояла въ томъ, чтобъ насъ взяли обоихъ и чтобъ братъ Порфирій, по освобожденіи, могъ сказать, что сдѣлалось со мною. Въ виду недоразумѣнія чины полиціи на это согласились, и я помню, какъ, одѣвшись, я сѣлъ на щегольскую эгоистку жандармскаго полковника, который, поддерживая за талію, доставилъ меня въ III отдѣленіе къ генералу Дуббельту.

Тотчасъ же по прибытіи Дуббельтъ пригласилъ меня въ кабинетъ вмѣстѣ съ братомъ и сказалъ, обращаясь къ нему:

„Вы, Порфирій Ивановичъ, можете ѣхать домой и сказать вашей матушкѣ, что намъ нужно будетъ оставить здѣсь брата вашего Евгения Ивановича, но чтобъ матушка ваша не беспокоилась“.

Вслѣдъ за тѣмъ меня отвели въ большую залу, которую

предоставили въ полное мое распоряженіе, разумѣется, приставивъ съ наружной стороны дверей жандарма. Вскорѣ пришелъ жандармскій полковникъ и сказалъ, что все, что я желаю, будетъ въ моемъ распоряженіи, что, если я хочу завтракать или обѣдать, мнѣ все будетъ отпущено.

— А черезъ нѣсколько времени я вамъ принесу нѣкоторые вопросные пункты,—прибавилъ полковникъ.

Дѣйствительно, мнѣ подали перо, бумагу и чернила. Вопросные пункты были довольно многочисленны и многіе изъ нихъ весьма неопредѣленны. Въ числѣ вопросовъ я помню слѣдующіе: сколько лѣтъ? гдѣ воспитывался? посѣщалъ ли Петрашевскаго? бывалъ ли у Дурова? какія держалъ рѣчи? что понималъ подъ словомъ свобода торговли? велъ ли разговоры объ освобожденіи крестьянъ и объ уничтоженіи помѣщиковъ, о томъ, чтобъ освободить торговлю и т. п. Я написалъ отвѣты на всѣ вопросы и, кончивъ показаніе уже послѣ обѣда, передалъ ихъ полковнику, а самъ легъ спать.

На другое утро явился ко мнѣ тотъ же полковникъ и сказалъ, что генералъ Дуббельтъ проситъ меня поѣхать съ нимъ въ комиссію. Эта послѣдняя засѣдала въ Петропавловской крѣпости, куда я и прибылъ въ сопровожденіи полковника. Меня тотчасъ же позвали въ комиссію, и я увидалъ тамъ князя Гагарина, Набокова и Ростовцева, которые начали предлагать мнѣ разные вопросы, отвѣты на которые я уже зналъ впередъ, частію изъ объясненій моего брата, частію изъ тѣхъ вопросныхъ пунктовъ, которые были предложены мнѣ наканунѣ. Вопросы касались преимущественно освобожденія крестьянъ и свободы торговли. Это экономическое ученіе было извѣстно генераламъ въ смыслѣ избавленія купцовъ отъ какой-то зависимости отъ правительства и чуть ли не призыва къ бунту всего коммерческаго люда въ Россіи. Когда я объяснилъ, что ученіе о свободѣ торговли есть ученіе экономическое, что о немъ намъ читали съ кафедръ профессора, что оно признается въ Европѣ, они заставили меня дать снова объясненіе и съ большой снисходительностью эти же самые члены комиссіи подсказывали мнѣ выраженія, служація къ оправданію. Затѣмъ прочитавъ мнѣ нотацію о добротѣ Государя Императора, который такъ великъ и благодушенъ, что снисходитъ къ заблужденіямъ молодежи, члены комиссіи объяснили мнѣ, что хотя я, по своимъ поступкамъ и идеямъ, заслуживаю тяжкаго наказанія, но что во вниманіе къ моей молодости и общественному положенію, они вмѣняють мнѣ этотъ выговоръ въ нака-

заніе и освобождаютъ меня отъ заслуженной мною кары, но съ тѣмъ, чтобы я никогда о томъ, что происходило, никому не рассказывалъ. Вслѣдъ за симъ мнѣ сказали, что я свободенъ и могу ѣхать домой.

Все это дѣло тянулось еще нѣкоторое время, и въ концѣ года, въ декабрѣ, вышелъ подробный докладъ съ резолюціей Государя.

Безспорно, мой арестъ сдѣлался извѣстенъ, я отправился къ статсъ-секретарю Танѣеву и рассказалъ о случившемся. Онъ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ и сказалъ, что соберетъ обо мнѣ справки. Затѣмъ, по совѣщаніи съ княземъ Гагаринымъ, Танѣевъ не встрѣтилъ препятствій оставить меня на службѣ, но тѣмъ не менѣе исторія эта на долгое время, по ея окончаніи и послѣ рѣшенія въ отношеніи всѣхъ другихъ подсудимыхъ, оставила за собою вліяніе на мою карьеру.

Какъ было замѣчено выше, верховная слѣдственная комиссія вмѣняла, между прочимъ, въ вину мнѣ и другимъ арестованнымъ лицамъ происходившіе между нами разговоры относительно освобожденія крестьянъ. Черезъ десять лѣтъ послѣ описаннаго событія я былъ назначенъ членомъ редакціонныхъ комиссій по выработкѣ положеній о крестьянахъ, освобождаемыхъ отъ крѣпостной зависимости, а одинъ изъ участниковъ слѣдственной коллегіи 40 года Я. И. Ростовцевъ состоялъ председателемъ этихъ комиссій, предназначавшихъ то великое преобразование, за одни разсужденія о которомъ приходилось еще такъ недавно нести отвѣтственность чуть ли не въ государственной измѣнѣ.

III.

Переходъ на службу въ министерство финансовъ.—Характеристика министровъ финансовъ въ царствованіе Императора Николая I. — Кавкринъ. Вронченко. Брокъ.—Исторія назначенія Брока товарищемъ министра финансовъ, а затѣмъ и министромъ финансовъ.—Порядокъ утвержденія государственныхъ бюджетовъ въ царствованіе Императора Николая I.

Непрерывныя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занятія мои по исторіи денежнаго обращенія и банковому дѣлу естественно предопредѣляли меня для дѣятельности въ министерствѣ финансовъ. Сюда я, наконецъ, и перешелъ въ началѣ 1853 года на должность чиновника особыхъ порученій.

Какъ извѣстно, царствованіе Императора Николая Павловича не было ознаменовано сколько-нибудь крупными преобразованиями по части финансовъ; но и тѣ немногія въ этой обла-

сти реформы, которыя осуществились въ указанный періодъ, относятся ко времени управленія министерствомъ финансовъ графа Канкрива; преемники же его Вронченко и Брокъ, можно сказать, ничего полезнаго не сдѣлали.

По сохранившимся въ моей памяти рассказамъ моего отца и другихъ лицъ, служившихъ при Канкринѣ и хорошо его знавшихъ, Канкринъ впервые обнаружилъ свои способности во время отечественной войны, когда, занимая должность генералъ-интенданта нашихъ армій, онъ производилъ всѣ расчеты по военнымъ расходамъ какъ внутри Имперіи, такъ и по переходѣ нашими войсками границы. Успѣшность его дѣятельности въ этомъ отношеніи была удостовѣрена особою комиссіею, учрежденной министерствомъ финансовъ въ 1815—16 г.г. для повѣрки произведенныхъ на довольствіе армій расходовъ, причитавшихся намъ отъ Англіи платежей и т. п. Менѣе восторженные отзывы сложились о Канкринѣ—министрѣ финансовъ. Его слава какъ хорошаго хозяина и умѣлаго администратора въ министерствѣ можетъ быть и справедлива; но экономистъ онъ былъ очень плохой. Имъ даже не сознавались тѣ серьезные недостатки, которые были присущи кредитнымъ установленіямъ того времени и препятствовали постановкѣ у насъ на правильныя основанія банковаго дѣла. Денежное преобразование 1839—1843 г.г., хотя и связано съ именемъ Канкрива, однако едва-ли осуществлено по его почину. У меня есть данныя предполагать, что главную въ этомъ дѣлѣ роль игралъ членъ Государственнаго Совѣта князь Друцкой-Любецкій, при чемъ составленный имъ планъ реформы повидимому даже не нашелъ себѣ сочувствія со стороны министра финансовъ. Какъ человекъ, Канкринъ отличался несноснымъ характеромъ: былъ крайне упрямъ, воображалъ себя выше всѣхъ, любилъ въ сложныхъ вопросахъ отдѣлываться громкими фразами и былъ до грубости рѣзокъ не только съ подчиненными, но даже въ Государственномъ Совѣтѣ, особенно, когда ему приходилось отстаивать тамъ свои зачастую узкіе взгляды. Такъ, въ одномъ изъ засѣданій совѣта онъ началъ путать какое-то дѣло цифрами, пересыпая свою рѣчь разными техническими терминами, въ родѣ: бухгалтеръ, балансъ и т. п. Когда разбиравшійся вопросъ оказался погруженнымъ въ густой туманъ Канкриновской фразеологіи, графъ Строгановъ заявилъ, что онъ ничего не понимаетъ, вѣроятно потому, что онъ не былъ бухгалтеромъ. На это Канкринъ вдругъ возразилъ: „Я былъ бухгалтеромъ, но вотъ дуракомъ я никогда не былъ“. Усилившаяся съ теченіемъ вре-

мени склонность Канкринна къ экономіи и частые отказы его въ производствѣ новыхъ расходовъ стали раздражать Императора Николая Павловича, который, хотя и цѣнилъ Канкринна, но, не перенося вообще противорѣчій, очевидно тяготился проявляемою имъ неуступчивостью. Это обстоятельство въ связи съ ухудшеніемъ въ здоровьѣ Канкринна, требовавшимъ частыхъ поѣздокъ за границу, привело, наконецъ, къ увольненію его отъ должности министра финансовъ.

Мѣсто Канкринна занялъ мой крестный отецъ Ѡ. П. Вронченко, возведенный впослѣдствіи, по случаю пятидесятилѣтія своей государственной службы, въ графское достоинство. Малороссъ по происхожденію, Вронченко отличался на рѣдкость уродливою наружностью: ростомъ вышиною почти съ сажень, неуклюжій, съ длинными руками, словомъ, настоящій орангутангъ. Онъ былъ умнымъ и хитрымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполне честнымъ человѣкомъ. Долгое время управляя кредитною канцелярією, Вронченко постоянно бывалъ въ домѣ графа Канкринна, гдѣ онъ исполнялъ обязанности шута при хозяйкѣ дома—графинѣ Екатеринѣ Захарьевнѣ, рожденной Муравьевой. Во время лѣтнихъ прогулокъ дѣти Канкринна нерѣдко зарывали Вронченко въ сѣно, но онъ безропотно переносилъ всѣ подобнаго рода продѣлки. По природѣ своей скабресный циникъ, Вронченко часто служилъ мишенью для остротъ князя А. С. Меншикова. О сладострастныхъ похожденіяхъ Вронченки ходило въ свое время много комичныхъ разсказовъ. Вотъ одинъ изъ нихъ. Прогуливаясь, однажды, по Петровскому острову, Вронченко замѣтилъ купавшуюся спиною къ нему соблазнительную фигуру съ густыми золотистаго цвѣта волосами. Воспламененный этимъ видѣніемъ, онъ приказалъ курьеру немедленно доставить къ нему эту, по его предположенію, женщину. Но каково же было удивленіе и досада похотливаго Вронченки, когда возвратившійся курьеръ доложилъ ему, что очаровавшія его тѣлеса принадлежать не женщинѣ, а купавшемуся діакону мѣстной церкви.

Начало управленія министерствомъ финансовъ Вронченкою совпало съ проведеніемъ реформы по замѣнѣ ассигнацій кредитными билетами; это дало поводъ Вронченкѣ впослѣдствіи говорить, что и самая реформа была задумана имъ. Въ дѣйствительности же никакихъ реформъ при немъ не задумывалось. Сдѣлавшись министромъ, Вронченко болѣе всего старался расположить къ себѣ вліятельныхъ лицъ, и въ этомъ отношеніи его угодливости не было, кажется, предѣловъ. Онъ постоянно

представлялъ Государю доклады о прощеніи долговъ и объ оказаніи разныхъ другихъ льготъ высокопоставленнымъ лицамъ за счетъ государственнаго казначейства. Каждый разъ, когда къ нему прѣзжалъ съ какими-нибудь просьбами графъ Орловъ, Вронченко сбѣгалъ къ всеильному предсѣдателю комитета министровъ внизъ по лѣстницѣ и встрѣчалъ его въ швейцарской.

Но самымъ разительнымъ примѣромъ недостойнаго подслуживанія Вронченки является исторія назначенія товарищемъ министра финансовъ—Брока, человѣка совершенно незнакомаго съ первымъ словомъ финансовой науки. Въ канцеляріи комитета министровъ, гдѣ служилъ Брокъ до своего перехода въ министерство финансовъ, понадобилось продвинуть на его мѣсто другого, болѣе способнаго чиновника Буткова. Это побудило графа Орлова, какъ предсѣдателя комитета, обратиться къ Вронченкѣ съ просьбою устроить Брока по министерству финансовъ. Брокъ мечталъ, какъ о блаженствѣ, поступить директоромъ канцеляріи министерства, но Вронченко, по свойственному ему хамству, счелъ неудобнымъ, въ отношеніи къ просьбѣ графа Орлова, назначить Брока директоромъ своей канцеляріи и предложилъ ему прямо мѣсто своего товарища. Вскорѣ затѣмъ здоровье графа Вронченки, который былъ уже очень старъ, совершенно разстроилось. Въ предвидѣніи близкой кончины Вронченки, Брокъ сталъ мечтать о занятіи поста министра финансовъ. Директоромъ канцеляріи былъ тогда баронъ Гревеницъ, человѣкъ бездарный и пустой. По взаимному между собою соглашенію, Гревеницъ съ Брокомъ рѣшили заставить Вронченко, передъ смертью, обратиться къ Императору Николаю Павловичу съ просьбою о назначеніи министромъ финансовъ Брока, а товарищемъ министра—Гревеница. Въ этомъ смыслѣ составлена была докладная записка, подписанная рукою умирающаго графа Вронченки. Покойный Государь исполнилъ, якобы, волю графа Вронченки и назначилъ Брока сначала управляющимъ министерствомъ финансовъ, а затѣмъ министромъ финансовъ, но Гревеницъ въ товарищи министра не попалъ, изъ-за чего произошла дѣлая исторія, а въ публикѣ сдѣлался извѣстенъ приведенный случай. вмѣсто Гревеница Брокъ избралъ себѣ въ товарищи весьма добраго, умнаго и образованнаго человѣка, но совершенно невѣжественнаго въ финансовомъ дѣлѣ—тайнаго совѣтника Норова, который кромѣ свѣтскаго приличія не имѣлъ другихъ заслугъ. Единственная его заслуга, пожалуй, состояла въ томъ,

что онъ самъ первый всегда заявлялъ объ отсутствіи у него знаній по финансовой части.

Понятно, что при такомъ составѣ высшихъ должностныхъ лицъ министерства финансовъ, отъ вѣдомства этого нельзя было ждать какихъ-либо благодѣтельныхъ начинаній и вся дѣятельность его сводилась исключительно къ текущей работѣ. Впрочемъ, и въ этой области наиболѣе серьезные вопросы получали движеніе по почину и непосредственнымъ указаніямъ Государя. Особенно близкое участіе Императоръ Николай Павловичъ проявлялъ въ дѣлѣ составленія бюджета, такъ что государственная, роспись, составлявшая тогда тайну, хотя и разсматривалась въ послѣдній день года въ Государственномъ Совѣтѣ, но въ дѣйствительности, можно сказать, устанавливалась лично Государемъ. Въ видѣ примѣра я приведу сохранившіяся у меня свѣдѣнія объ условіяхъ утвержденія бюджета на 50-й годъ.

Представлявшійся Государю бюджетъ сопровождался обыкновенно вѣдомостью о тѣхъ займахъ, которые министръ финансовъ предполагалъ сдѣлать изъ банковыхъ установленій въ дополненіе къ обыкновеннымъ государственнымъ доходамъ. При бюджетѣ на 50-й годъ вѣдомость эта была представлена 23 декабря 1849 года министромъ финансовъ, статсъ-секретаремъ графомъ Вронченко вмѣстѣ съ запискою слѣдующаго содержанія: „Вслѣдствіе изъявленной сегодня Высочайшей воли, имѣю счастье всеподданнѣйше представить Вашему Императорскому Величеству вѣдомость о займахъ на 50-й годъ, составленную согласно Высочайшему указанію съ приложеніемъ“. На запискѣ этой рукою Императора, при возвращеніи бумагъ, было помѣчено: „Полагаю необходимымъ снестись съ княземъ Меншиковымъ, что, кромѣ внесенныхъ въ роспись статей утвержденныхъ уже займовъ, прочія не возможны. Графа Клейнмихеля увѣдомить, что кромѣ утвержденныхъ уже займовъ можно только его вѣдомству назначить 2 милліона; князя Волконскаго увѣдомить, что на работы музеума нельзя назначить 500 тысячъ, а чтобы донесено было, сколько слѣдуетъ за произведенныя работы; новыя же остановить и по Кремлю тоже. За сими убавками уменьшится экстренныхъ займовъ на работы отъ морского министерства 1.797.025 р., по министерству двора, примѣрно, 500.000 р.; отъ путей сообщенія 6.359.194 р., отъ зданій государственнаго имущества 75.000 р., отъ зданія Оренбургскихъ присутственныхъ мѣстъ 35.000 р., отъ архангельскаго шоссе 27.581 р.; отъ государственныхъ имуществъ 650.000 р., по министерству финансовъ 31.254 р., а всего 9.475.054 р. меньше,

а затѣмъ всѣхъ экстренныхъ займовъ около 10.000.000 рублей, а съ остальными невыполненными въ 49-мъ году—12.900 тысячъ, да на покрытіе смѣтнаго дефицита 28.000.000 рублей; всего нужно 40.900.000 р., менѣе прошлаго года будетъ на 4.096.206 р. о чемъ честь имѣю поздравить, а ежели эти 4.096.206 р. можно допустить, то весьма бы полезно было раздѣлить ихъ такъ: министру двора на музеумъ 500.000; князю Меншикову 1.500.000 и графу Клейнмихелю—2.000.000. Весьма нужныя работы“. Получивъ эту резолюцію 23-го того же декабря, министръ финансовъ пишетъ Государю слѣдующее: „Имѣвъ счастье получить Высочайшія отмѣтки о займахъ, поспѣшу всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству донести, что Высочайшія повелѣнія будутъ немедленно сообщены по принадлежности. Обстоятельство касательно займовъ на 4.096.206 р. (сверхъ 40.900.000 р.) я полагаю бы обсудить въ комитетѣ финансовъ, такъ какъ подобный предметъ былъ разсматриваемъ въ семъ комитетѣ и въ прошедшемъ году, и если признано будетъ возможнымъ разрѣшить оныя, то распредѣленіе суммъ имѣетъ быть сдѣлано согласно Высочайшему указанію. Не могу скрыть передъ Вашимъ Величествомъ, что я весьма удивленъ былъ столь скорымъ возвращеніемъ бумагъ, ибо никакъ не могъ предполагать, чтобы разсмотрѣніе и разрѣшеніе оныхъ могло совершиться въ продолженіе 1½ часовъ“. На этой бумагѣ при возвращеніи ея Государь положилъ слѣдующую резолюцію: „Рады стараться. Желалъ бы, чтобы нашелъ возможнымъ и все сбрызть, но никакъ не возможно и впрочемъ деньги эти пустятся въ обращеніе и воротятся намъ въ податяхъ и въ банки. 24 декабря 49 года“.

Сообщ. А. фонъ Таль.

(Продолженіе слѣдуетъ).

